

Уважаемые читатели! В связи с очередной годовщиной со дня рождения К. Маркса хочу представить один из параграфов моей монографии «Мирология. Том I. Введение в Мирологию» (М.: ИТРК, 2014.), посвященный марксизму. Хотел бы надеяться, что он будет полезным читателям, вовлеченным в политическую деятельность в России.

Марксизм – наука и методология познания

Я определяю марксизм как высшую форму научного познания, как самостоятельную науку, нацеленную на изучение законов природы и общества. На ее базе сформировались марксистская идеология и марксистское мировоззрение, взятые на вооружение теми слоями общества, которые ведут борьбу с капитализмом в пользу социализма. В этой части работы я намереваюсь затронуть некоторые аспекты марксизма именно с позиции его научного содержания. Не вдаваясь в детальные подробности, хочу коротко напомнить некоторые аксиоматичные постулаты, на основе которых воздвигнуто здание марксистского учения.

Итак, марксизм – это прежде всего наука. Следовательно, марксизм как наука не оперирует моральными понятиями: хорошо – плохо. Суть этой науки – поиск научной истины, открытие законов и закономерностей природы и общества. Причем истины марксизм не боится, поскольку уверен, что она, истина, исторически на его стороне. Один из признаков науки – ее объективность, независимость от идеологии. Не может быть так, чтобы скорость света зависела от идеологических пристрастий, партийной принадлежности или даже позиции той или иной философской школы. И хотя в общественных науках почти невозможно избежать влияния идеологий, марксистская наука менее идеологична[1], чем наука буржуазная. Правда, в этом некоторые ученые не видят ничего крамольного. Йозеф Шумпетер в специальной статье на эту тему даже настаивал на том («не видел беды»), что «научная идеология и объективная научная истина» социально обусловлены[2]. По его словам,

нет ни одной области в любой науке, чтобы можно было бы избежать ее (идеологии. – А.Б.). Благодаря ей мы приобретаем новый материал для наших научных исследований и что-то формулируем, чтобы защищать, атаковать. И таким образом, хотя мы движемся медленно из-за наших идеологий, но мы не можем двигаться совсем без них (р. 220).

В результате мы получаем «победу идеологии над анализом». И хотя, повторяю, ее трудно избежать, но по крайней мере к этому надо стремиться. Поскольку марксизм считает, что не наука должна исходить из идеологии, а идеология формируется на базе науки.

Марксизм опирается на три столпа: материализм, диалектику и историзм.

Материализм – это философская база марксизма, которая исходит из первичности материи и вторичности духа. (Энергия рассматривается как одна из разновидностей материи.) Это фундаментальная посылка, отделяющая материализм от всех форм и видов идеализма и религии. Атрибутами материального бытия являются движение, пространство, время и сила, через которые природа материи/энергии являет себя миру. На языке философии они называются онтологическими категориями.

Диалектика – способ мышления (=диалектическая логика), требующий все процессы в природе и в обществе рассматривать в непрерывном движении.

Историзм – это вектор исторического времени, требующий любые общественные явления анализировать в конкретных исторических рамках.

Сам процесс познания коротко выражен известной ленинской максимой: от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике – таков путь диалектического познания. Отсюда же вытекает: бытие, существующее независимо от нашего сознания, познаваемо. (Тем самым марксизм сразу же отмежевывается от всех разновидностей агностицизма.) В процессе своего становления марксизм детально разработал теорию отражения, которая и формирует марксистскую методологию, т.е. систему принципов и способов организации научного исследования. На этой базе были сформулированы важные понятия и категории, значительно более в научном смысле операбельные, чем размытые и туманные термины, к примеру, позитивизма.

Марксизм с самого начала строился на великих достижениях выдающихся буржуазных ученых: на развитой экономической науке английских экономистов, философии немецких мыслителей и, как бы сейчас сказали, политологии французских просветителей и социалистов. На это когда-то обратил внимание Ленин в своей брошюре «Три источника и три составных части марксизма». И впоследствии марксизм никогда не игнорировал своих научных и идеологических оппонентов. Подлинный марксист просто обязан учитывать все достижения буржуазной науки, а лучшие ее достижения внедрять в марксистскую, что и делали в свое время основатели этой науки. Марксизм не избегает других методов и способов анализа. Поскольку они только обогащают его систему координат, или методологию.

Правда, есть некоторые политики и ученые, которые чуть ли не с гордостью называют себя марксистами-ортодоксами. Уверен, что они найдут немало поводов обвинить меня в «отходе от марксизма», если, конечно, прочтут данное сочинение. А «отходить» придется много раз. Поскольку, как и любая наука, марксизм развивается, меняет свои устаревшие представления в соответствии с новыми явлениями и сущностями. К примеру, не исключено, что необходимо по-новому рассмотреть проблему классовой борьбы в современных условиях. Она ли является ныне движущей силой истории? Или на первый план вышли противоречия другого порядка? Марксизм отбрасывает и те представления, которые не подтвердились на практике. Маркс, Энгельс и Ленин множество раз совершали подобные «отклонения», поскольку были учеными, а не схоластами. Ортодоксы не могут усвоить самое главное в марксизме: он не догма, а руководство к действию. Именно о таких марксистах сам Маркс говорил: «Если они марксисты, тогда я не марксист». И тем не менее думаю, что Маркс несколько погорячился. Ортодоксы – тоже марксисты по своим политическим и идеологическим убеждениям. Но они просто не ученые.

После перечисления таких достоинств марксизма в ответ его противник, естественно, не может не задать «каверзный» вопрос: и чего же достигла марксистская наука в сфере обществоведения, например, в Советском Союзе? У нас-де, на Западе, к примеру в философии, в XX веке гремели такие имена, как Карл Ясперс, Мартин Хайдеггер, Джон Дьюи, Бертран Рассел, Герберт Маркузе, Жан-Поль Сартр, Альбер Камю и др. А в СССР? Задавший такой вопрос был бы крайне удивлен, получив в ответ не менее внушительный перечень советских философов, в который вошли бы, например, такие имена, как В.Ф. Асмус, А.А. Богомолов, Ю.Н. Давыдов, В.Ж. Келле, Б.М. Кедров, А.Ф. Лосев, И.С. Нарский, Т.И. Ойзерман, А.М. Деборин, М.Б. Митин. И хотя последние двое были жестко раскритикованы в поздний советский период, однако по своим, так сказать, философским качествам они ничуть не уступали западным мыслителям. А раскритикованный в свое время Лениным А.А. Богданов со своей «Тектологией» как минимум не уступал таким классикам западного науковедения, как Карл Поппер, Томас Кун или Имре Лакатос. Другое дело, что западный читатель не знал советских философов из-за «железного идеологического занавеса», препятствовавшего распространению советского влияния на Запад. В СССР же названных западных философов переводили, и в любом случае их можно было прочитать в оригинале в библиотеках, по крайней мере Москвы.

И все-таки в какой-то степени в «каверзном» вопросе таится определенный смысл, указывающий на то, что действительно марксизм в советское время не породил больших свершений, даже не столько в философии (он в основном занимался

критикой буржуазной философии), сколько в обществоведении. Самое главное, зациклившись на коммунизме, контуры которого тогда просто невозможно было обозначить, он не смог представить общую полновесную теорию социализма, закономерности его стадийности и специфики каждого этапа – то, что сделали китайцы на основе теории Дэн Сяопина относительно начальной стадии социализма. Отсутствие такой комплексной теории явилось одной из важнейших идеологических причин распада социалистического содружества.

Но для этого были веские причины исторического характера. Во-первых, в начальный период СССР марксистская наука только осваивалась советским научным сообществом, возникшим из недр неграмотного населения – наследия царского полуфеодального строя. Во-вторых, висели идеологические гири начальной стадии социализма, который, находясь в чрезвычайных обстоятельствах выживания, не мог позволить расцвести «ста цветам» в еще незрелом обществе. В-третьих, марксизм, на идеологической основе которого была совершена победоносная Октябрьская революция и разгромлены все враги в ходе Гражданской войны, казался настолько научно укомплектованным, что любые добавления или исправления представлялись как искажения сути этой науки. Именно поэтому попытки А. Богданова в его «Тектологии» создать на базе новых понятийных терминов науку, чуть ли не возвышающуюся над марксизмом, встретили жесткое противодействие со стороны дебориных и митиных. В те годы марксизм воспринимался почти как религия: не тронь ни одного канона! И даже при идеологическом послаблении после смерти Сталина в массовом сознании, включая и сознание ученых, не укладывалась мысль о возможности развития теории марксизма в направлении, противоречащем некоторым штампам и канонам, якобы вытекающим из работ Маркса, Энгельса и Ленина. (Многие теоретики нынешних левых «большевиков» до сих пор сохранили подобный умустрой.) На Западе марксисты придерживались примерно такой же позиции, хотя и не в столь жесткой форме.

Но здесь надо иметь в виду еще такую чисто русскую «закавыку». У русских обществоведов, нынешних и советских, даже не возникала мысль, что возможно открывать законы или закономерности в сфере общественных наук. В естественных можно, а в общественных – даже в голову не приходит. Именно такой подход к обществоведческой науке, засевший в мозгах, и является причиной того, что русские фактически не развивают и не развивали ни одну из общественных дисциплин, сосредотачиваясь главным образом или на освоении западной мысли, или, наоборот, на критике той же самой западной мысли. Критика обычно получается лучше[3].

Такой марксизм, который я называю ортодоксальным[4], в СССР существовал в форме марксизма-ленинизма. В числе его недостатков, помимо указанных, необходимо назвать его методологический принцип, который для многих представлялся не как научный. Я имею в виду следующее.

Ортодоксальный марксизм, следуя канонам классического марксизма, в рамках познания на основе теории отражения при анализе общественных явлений главным образом исходил и исходит из поступательного движения человечества к прогрессу через формационные фазы: рабовладение переходит в феодализм, феодализм – в капитализм, капитализм – в коммунизм, который, в свою очередь, имеет предварительные ступени в виде разных фаз социализма. Эта фундаментальная посылка с конца XX века перестала быть убедительной из-за распада СССР, так сказать, разрушения «коммунизма». Как с нескрываемой радостью говорят и пишут все антикоммунисты, дескать, ваша теория марксизма-ленинизма разбилась о практику, на которую вы все время ссылались как на критерий истины. Этим антикоммунистам бессмысленно напоминать о том, что буржуазные теории многократно терпели поражение на практике, прежде чем возвестить победу отраженных в них реальностей капиталистических обществ. В одной только Франции понадобилось несколько революций, пока утвердились «цивилизованный» капитализм и адекватная ему буржуазная идеология. Но здесь речь не об этом. В любом случае определенный смысл в укорах противников марксизма есть. Поскольку ортодоксальный марксизм был в силу определенных причин действительно излишне идеологизирован, хотя и не в такой степени, как буржуазные общественные науки. И потому об истинах он судил исходя главным образом из классовых и идеологических позиций.

Нынешний марксизм, который я отстаиваю, называется современным марксизмом. Его отличие от классического и ортодоксального заключается в том, что для определения критерия истины современный марксизм, не отказываясь от предыдущих критериев в заданной системе координат, вводит новый инструмент измерения истины – Второй закон термодинамики в его энтропийном варианте в виде закона возрастания энтропии. Последний вариант удобен для анализа общественных явлений через категории хаоса и порядка.

Современный марксизм также дает новое универсальное определение прогресса, выводя его за рамки формационных и классовых отношений. Подробно названные инструменты познания будут разъяснены в соответствующих главах.

Здесь надо отметить одно обстоятельство, которое нередко ведет к взаимонепониманию между марксистами и буржуазными учеными, – это словарный

корпус понятийно-категориального свойства. Например, такие ключевые понятия марксистской науки, как формация, надстройка, базис, не употребляются буржуазными обществоведами. Вместо них они используют термины политический режим, политика и экономика. При всей смысловой схожести они кардинально отличаются по своему внутреннему содержанию. Первый ряд – это понятия, за которыми стоят вскрытые закономерности сущностных реальностей. Вторые – просто термины для обозначения различных явлений без вскрытия их сущностей. Для позитивиста-эмпирика этого вполне достаточно.

Такое различие касается и философии. В философии марксисты оперируют понятием теория познания, которая синонимична терминам эпистемология и гносеология, в то время как буржуазная философия подэпистемологией, например, понимает «исследования нашего права в верования, которые мы имеем» (Оксфордский философский словарь) или «исследования природы знаний и их обоснованность» (Кембриджский философский словарь). Очевидно, что марксисты и буржуазные философы одни и те же термины интерпретируют по-разному. При этом если марксисты разбираются в буржуазной лексике, так как регулярно изучают их литературу, то буржуазные ученые, за крайне редким исключением, не имеют о марксистской литературе никакого представления, поскольку игнорируют ее. Поэтому в ходе изложения материала мне часто придется давать разъяснения некоторых ключевых понятий и категорий марксистской науки.

А теперь есть смысл точнее определить такие ключевые термины, как наука, методология и методы, а также определить, что такое понятия и категории.

[1] Марксизм как науку не надо путать с марксизмом-ленинизмом, который хотя и провозглашался наукой в СССР, но был слишком политизирован и идеологизирован, чтобы претендовать на статус науки.

[2] Schumpeter. Science and Ideology. In: The Philosophy of Economics. An Anthology, p. 210.

[3] В одном из российских журналов я хотел поместить статью с моими законами «полюса и силы». Так вот, редактор отчаянно просил меня, чтобы эта статья шла не под моим русским именем, а под канадским и чтобы я придумал какие-то другие слова вместо слова «закон». Таков умустрой русских.

[4] Классическим марксизмом я называю только тот, который был создан его основателями: Марксом, Энгельсом и Лениным.

Алекс Бэттлер

06.05.2016